

К вопросу о консолидации фонологических школ

СПФШ, МФШ, фонема, синтагма-фонема, парадигма-фонема

Впервые учение о фонеме было сформулировано во второй половине XIX в. российским и польским языковедом И.А.Бодуэном де Куртене, стоявшим у истоков Казанской лингвистической школы. Неоднозначное понимание фонемы самим ученым впоследствии привело к возникновению различных фонологических школ, направлений, концепций, среди которых в отечественной лингвистике выделяются Санкт-Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа (СПФШ), основателем которой явился Л.В.Щерба, и Московская фонологическая школа (МФШ), возникновение которой связано с именами Р.И.Аванесова, В.Н.Сидорова, А.А.Реформатского и др.

В ходе своего исторического развития теории указанных школ постоянно находились в противостоянии. Это соперничество, достигавшее порой крайней степени, на наш взгляд, должно быть преодолено, поскольку оно напрасно и мешает нормальным исследованиям как в синхронии, так и в диахронии.

Укажем на принципиальные различия двух ведущих фонологических школ России, свидетельствующие о том, что в центре их внимания были разные фонологические единицы, не сводимые друг к другу.

Во-первых, в СПФШ фонема является самостоятельной и независимой единицей, тогда как в МФШ фонема ограничена в своей самостоятельности и тесно связана с морфемой. Во-вторых, фонема в трактовке МФШ обладает более высокой степенью абстрактности, чем в СПФШ: фонему составляют все фонетические чередования аллофонов в определенной позиции конкретной морфемы. В этой связи москвичам пришлось разработать учение о сильных и слабых позициях, вслед за этим появились «отяжеляющие» теорию МФШ термины «вариант фонемы», «вариация фонемы» и наконец «гиперфонема» – по-разному определяющие московскую фонему в слабой позиции. В-третьих, в теории МФШ разрабатывалось еще одно понятие – нейтрализация, обозначающее неразличение (дефонологизацию) двух или нескольких фонем в определенном положении. Сторонники СПФШ не отрицают явления нейтрализации, но иначе ее объясняют: фонема не лишается своих различительных возможностей, в этой позиции накладывается ограничение на использование определенного класса фонем. Наконец, концепции СПФШ и МФШ строятся на результатах разных форм речевой деятельности: анализ СПФШ прежде всего ориентирован на анализ устной речи, а положения МФШ отражают поведение фонемы в письменных текстах.

СПФШ и МФШ называют фонемой разные единицы фонологической системы, каждая со своей стороны определяющая одно из звеньев общей фонологической системы. За всеми понятиями, анализируемыми в той или иной школе, стоят реальные языковые явления, требующие терминологического обеспечения. А сами концепции двух фонологических направлений нуждаются в теоретическом объединении. Однако интеграционный подход по сей день не получил серьезного обобщения и широкого обсуждения.

Своеобразную попытку синтезировать московские взгляды с взглядами других фонологических школ предпринял Р.И.Аванесов, чья теория о сильных и слабых фонемах занимает особое место в московской фонологической школе [Аванесов, 1956: 26–33]. Однако, как и москвичи, Р.И.Аванесов связывает фонему с морфемой и указывает на то, что слабая и сильная фонемы непосредственно функционируют в словоформе и лишь через словоформу оказываются в определенных отношениях к морфеме.

Первую попытку консолидации фонологических школ предпринял С.И.Бернштейн (его статья, написанная в 1937 г., была опубликована только в 1962 г.). Он понял, что МФШ и СПФШ говорят о принципиально разных единицах, и предложил считать фонемы петербургской школы «фонемами 1-й степени», а фонемы московской школы – «фонемами 2-й степени», при этом теорию слабых и сильных фонем Р.И.Аванесова он определил как попытку сблизить непримиримые стороны [Бернштейн, 1962: 62–81]. Однако предложенная система не нашла поддержки в фонологических школах.

В монографии М.В.Панова, вышедшей через пять лет после публикации статьи Бернштейна, было предложено терминологическое решение вопроса, при котором в разработанной автором теории «московская» фонема была названа «парадигмо-фонемой», а слабая и сильная фонемы Аванесова были обозначены термином «синтагмо-фонема» [Панов 1967]. Однако Панов не задавался целью понять и принять петербургскую теорию, а тем более интегрировать две разные концепции, продолжая оставаться на позиции противника СПФШ.

Г.М.Богомазов, обстоятельно представив теоретические достижения наиболее противоположных по своим взглядам Московской и Санкт-Петербургской фонологических школ, высказал мысль о том, что фонемы петербургской школы и «московские фонемы» находятся в иерархических отношениях: на базе фонем СПФШ формируются фонемы МФШ. Первые фонемы ученый назвал семасиологическими (обеспечивающими процессы восприятия речи), а вторые – ономасиологическими (обслуживающими процессы порождения речи) [Богомазов 2001: 94–104, 158–169]. Тем не менее он не стал эти стороны разграничивать терминологически и продолжал каждую из них называть фонемами.

Наконец, Б.И.Осипов в своих работах рассуждает о необходимости интеграции фонологических школ. Уже в 1976 г. он указал на серьезный

теоретический пробел, связанный с обозначением разных языковых явлений, которые называются одним термином «фонема» [Осипов 1976: 35–38]. При корректном терминологическом разделении фонологических понятий оказывается, что разные фонологические школы не опровергают, а дополняют друг друга. Делая свои построения с опорой на исследования представителей СПФШ и закрепляя за термином «фонема» трактовку этой единицы в теории петербуржцев, консолидацию фонологических школ Б.И.Осипов предлагает осуществить на базе уже известных в фонологии терминов, не закрепившихся в современной фонологической теории по разным причинам. Так, считая их небезупречными, ученый тем не менее возвращает в фонологию термины М.В.Панова (некогда отброшенные сами автором) «синтагмо-фонема» и «парадигмо-фонема», позволяющие понять, что в общей фонологической теории существуют различные единицы, каждая из которых выделяется на разных основаниях [Осипов 2012: 15–18; 2013: 65–66].

Представим совокупность разных фонологических единиц, находящихся друг с другом в определенных отношениях:

1) *собственно фонема* – класс звуков, которые характеризуются идентичностью набора дифференциальных признаков (петербургская фонема). Аллофон фонемы (конкретный звук в конкретном слове) может быть представлен единицами более абстрактными – синтагмо-фонемой и парадигмо-фонемой;

2) *синтагмо-фонема* – фонема, охарактеризованная с учетом ее позиции, в частности, с вычетом нейтрализованных признаков (пражская фонема, сильная и слабая фонемы Р.И.Аванесова);

3) *парадигмо-фонема* – ряд позиционно чередующихся звуков («московская» фонема). В слабой позиции может выступать не только парадигмо-фонема (когда звук слабой позиции чередуется со звуком сильной позиции), но и *гиперфонема* (когда звук в слабой позиции чередуется с несколькими звуками в сильной позиции или вообще не имеет соответствия в сильной позиции), которую можно охарактеризовать как совокупность парадигмо-фонем, нейтрализованных в определенной позиции.

Подобная классификация, предложенная Б.И.Осиповым, восполняет теоретические пробелы, допущенные различными фонологическими школами: московская школа никак не называет совокупность звуков, объединяемых тождеством дифференциальных признаков (то, что в других школах называют фонемой), ее оппоненты никак не обозначают совокупность позиционно чередующихся звуков (что как раз и называется фонемой в МФШ). Поэтому разные фонологические концепции по сути дела не противостоят, а дополняют друг друга. Благодаря терминам М.В.Панова Б.И.Осипов выстраивает различные фонологические единицы в ясный логичный ряд: фонема – синтагмо-фонема – парадигмо-фонема, тем самым снимая возникшую в фонологической теории омонимию термина «фонема».

Таким образом, закрепляя за единицами, выделяемыми представителями различных фонологических направлений, конкретные термины, мы можем избежать путаницы и ложных противоречий. Разные фонологические школы, обладая различными, иногда противоположными взглядами, вместе составляют определенное единое теоретическое целое, а соответствующие разным терминам фонологические единицы выстраиваются в сложную иерархическую систему, где на основной ступени находится собственно фонема, а ее более отвлеченная характеристика (следующие ступени фонологического анализа) объединяет такие языковые явления, как синтагма-фонема и парадигма-фонема.

Итак, мы считаем, что длительное противостояние разных фонологических школ может быть преодолено, а бесконечные взаимные обвинения в неверном понимании фонемы фонологами-оппонентами должно уйти в прошлое. Интеграционный подход, стремящийся консолидировать фонологические направления, нужно направить по пути формирования общей фонологической теории, в рамках которой идеи противоположных сторон не опровергали бы друг друга, а дополняли, выстраиваясь в стройную упорядоченную систему терминов и понятий, отражающих в свою очередь сложную иерархическую систему разных фонологических единиц.

Литература

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского языка / Р.И.Аванесов. – М.: Изд-во Москов. ун-та. – 1956. – 240 с.

Бернштейн С.И. Основные понятия фонологии / С.И.Бернштейн // Вопросы языкознания. – М.: Изд-во АН СССР. – 1962. – № 5. – С. 62–81.

Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика: учеб. пособие для студ. учеб. заведений / Г.М.Богомазов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 352 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А.Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.

Осипов Б.И. Варьирование фонем и проблема консолидации фонологических школ / Б.И.Осипов // Варьирование в языке и культуре речи. – Томск, 2012. – С. 15–18.

Осипов Б.И. К интеграции фонологических школ / Б.И.Осипов // Русский язык в школе. – 2013. – № 2. – С. 61–66.

Осипов Б.И. Краткий курс русского языка: учеб. пособие по курсу «Современный русский язык» (для студентов факультета иностранных языков); 3-е изд., испр. и доп. / Б.И.Осипов. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2005. – 374 с.

Осипов Б.И. Понятие позиции и «физикалистские» фонологические школы / Б.И.Осипов // Вопросы русского языкознания. – Куйбышев, 1976. – Вып. 2: Русский язык и его диалекты. – С. 35–45.

Панов М.В. Русская фонетика / М.В.Панов. – М.: Просвещение, 1967. – 438 с.